

ББК: 67.71; 67.400; 67.408; 67.409; 67.410
УДК: 34.02; 34.028

ПОЗИЦИИ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ ПО ВОПРОСАМ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА: АНАЛИЗ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ

© 2020 г. П. А. Скобликов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: skoblikov@list.ru

Поступила в редакцию 22.09.2020 г.

Аннотация. В статье представлен критический анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2018 г., внесшего изменения в другие постановления, посвященные практике назначения уголовного наказания и исполнения приговора. Рассмотрены некоторые общие проблемы, возникающие при реализации полномочий Верховного Суда РФ по разъяснению законодательства. Обоснованы иные подходы относительно решения ряда частных проблем: незачёта при назначении наказания срока применения меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности; назначения более мягкого вида наказания, чем предусмотрено некоторыми статьями Особенной части УК РФ; определения злостности уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве уголовного наказания; признания уважительными причин неуплаты штрафа; замены штрафа иным видом наказания и освобождения от отбывания наказания; отмены условного осуждения вследствие уклонения осужденного от возмещения вреда, причиненного преступлением; и др.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, толкование законодательных норм, постановления Пленума Верховного Суда РФ, защита прав потерпевшего, принцип законности, принцип справедливости, принцип разделения властей, лишение права занимать определенные должности, замена штрафа иным видом наказания, злостность уклонения от уплаты штрафа, отмена условного осуждения, возмещение причиненного преступлением вреда, независимость судей.

Цитирование: Скобликов П.А. Позиции Пленума Верховного Суда РФ по вопросам назначения наказания и исполнения приговора: анализ ряда положений // Государство и право. 2020. № 12. С. 76–84.

DOI: 10.31857/S102694520012735-9

POSITIONS OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON SENTENCING AND EXECUTION: ANALYSIS OF A NUMBER OF PROVISIONS

© 2020 P. A. Skoblikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: skoblikov@list.ru

Received 22.09.2020

Abstract. The article presents a critical analysis of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 18, 2018, which amended other resolutions on the practice of assigning criminal penalties and executing sentences. Some General problems that arise when implementing the powers of the Supreme Court of the Russian Federation to clarify legislation are considered. Other approaches to solving a number of particular problems are justified: failure to set a penalty for the term of application of a measure of procedural coercion in the form of temporary suspension from office; appointment of softer punishment, than is provided by some articles of the Special part of the criminal code of the Russian Federation; definition of malice evasion of the fine imposed as a criminal punishment; the recognition of legitimate reasons of non-payment of fines; replacement of fine some form of punishment and release from punishment; cancellation of conditional condemnation as a result of evasion of the convicted person from liability for damages caused by the crime; etc.

Key words: criminal proceedings, interpretation of legislative norms, resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, protection of the rights of the victim, the principle of legality, the principle of justice, the principle of separation of powers, deprivation of the right to hold certain positions, replacement of a fine with another type of punishment, maliciousness of evasion from paying a fine, cancellation of a suspended sentence, compensation for damage caused by a crime, independence of judges.

For citation: Skoblikov, P.A. (2020). Positions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on sentencing and execution: analysis of a number of provisions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 76–84.

18 декабря 2018 г. Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 43 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 года № 21 “О практике применения судами законодательства об исполнении приговора” и от 22 декабря 2015 года № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”»¹ (далее – Постановление № 43). Принятие указанного Постановления объясняется изменением законодательства в последние годы, а также возникающими в судебной практике проблемами. В качестве целей принятия данного правового акта декларируется обеспечение правильного и единообразного применения законодательства, единства судебной практики. Документ охватывает широкий круг, может быть, самых важных тем для обеспечения защиты общества от преступности, соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обвиняемых. Представленные разъяснения одновременно относятся к нескольким отраслям права, причём они должны учитывать не только положения законодательства антикриминального блока, но и корпус иных правовых норм. В силу сказанного Постановление № 43 заслуживает всестороннего анализа. Вместе с тем вряд ли эта задача может быть решена в рамках одной научной статьи и силами одного исследователя. Поэтому автор нацелен на более скромный результат – предложить критический анализ лишь некоторых сторон рассматриваемого документа.

1. Замечания и предложения в части изменений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»

1.1. На практике возникает вопрос о том, должны ли суды при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности засчитывать в срок данного наказания период применения к осужденному меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности (ст. 114 УПК РФ) в ходе

предварительного следствия и судебного разбирательства? Автор полагает, что следует дать положительный ответ на данный вопрос. Такой ответ соответствовал бы Конституции РФ. Иное (не засчитывать срок применения меры процессуального принуждения в виде временного отстранения от должности) противоречит принципам справедливости, гуманизма и равенства граждан перед законодательством, закрепленным в Конституции РФ и УК РФ. В этом случае те осужденные, которым назначено соответствующее наказание и к которым применялась указанная мера процессуального принуждения, несправедливо оказались бы в худшем положении по сравнению с теми, кому также назначено соответствующее наказание, но такая мера процессуального принуждения не применялась. Кроме того, оказалось бы, что в случае назначения наказания в виде лишения свободы перечисленные принципы соблюдаются (в соответствии со ст. 72 УК РФ учитывается время применения к осужденному меры процессуального принуждения в виде домашнего ареста или заключения под стражу), а при назначении наказания в виде лишения права занимать определенные должности они игнорируются.

К сожалению, Пленум Верховного Суда РФ уклонился от решения поставленного вопроса, необходимые разъяснения в Постановлении № 43 (и, как следствие, в новой редакции Постановления № 58) отсутствуют.

1.2. Постановление № 58 содержит п. 40, посвященный порядку применения ст. 64 УК РФ.

Напомним, что в ч. 1 ст. 64 УК РФ установлено: при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей.

Абзац 4 Постановления № 58, где разъясняется приведенная выше норма, в новой редакции документа остался неизменным: «При назначении

¹ См.: Росс. газ. 2018. 26 дек.

более мягкого вида основного наказания по правилам статьи 64 УК РФ следует учитывать ограничения, установленные в Общей части УК РФ для назначения того или иного вида наказания».

Однако этого недостаточно. В судебной практике возникает вопрос: применима ли рассматриваемая норма в случае, если согласно санкции, предусмотренной в Особенной части УК РФ, штраф является самым мягким видом наказания за содеянное? И если да, то каким образом?

Целесообразно обратить внимание судов, что согласно ст. 44 УК РФ штраф является самым мягким уголовным наказанием. При этом суды не вправе назначить наказание, не предусмотренное УК РФ, потому что это противоречило бы принципу законности (ст. 3 УК РФ). Вследствие этого в рассматриваемом случае норма о назначении более мягкого вида наказания, чем это предусмотрено статьей Особенной части УК РФ, не может быть применена. В таком случае суды могут лишь назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, или не применить дополнительный вид наказания, если он предусмотрен в качестве обязательного. Этим умозаключением следовало бы дополнить п. 40 Постановления № 58.

2. Замечания и предложения в части изменений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»

2.1. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 59 в Постановление № 21 был включен п. 5.1, посвященный разъяснению положений закона о злостном уклонении от уплаты штрафа и замене штрафа другим видом наказания. Постановлением № 43 этот пункт оставлен без изменений, и с таким решением нельзя согласиться.

Согласно ст. 32 УИК РФ единственным основанием для направления в суд представления судебного пристава-исполнителя о замене штрафа иным видом наказания является *злостное уклонение* осужденного от уплаты штрафа. При этом определение такого уклонения дано в ч. 2 ст. 32 УИК РФ — *это неуплата осужденным штрафа или части штрафа в установленный срок*. Какие-либо исключения (наличие объективных причин, препятствующих своевременной выплате штрафа, и др.), дающие основание для вывода об отсутствии злостности

уклонения, в процитированной дефиниции не предусмотрены².

В ч. 9 ст. 103 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³ законодатель ориентирует судебных приставов-исполнителей на неуклонное следование бескомпромиссной дефиниции, закрепленной в ч. 2 ст. 32 УИК РФ. Однако в том же Федеральном законе (ч. 13 ст. 103) законодатель делает послабление и допускает, что суд может признать причины неуплаты штрафа осужденным уважительными и отказать в замене штрафа другим видом наказания. *В этом случае исполнительное производство по взысканию штрафа возобновляется и производится в общем порядке* (п. 1 ч. 10 ст. 103).

Таким образом, имеет место противоречие между правовыми нормами и даже законодательными актами, которое требует своего разрешения.

Пленум Верховного Суда РФ указал в п. 5.1: необходимо проверять доводы о том, что осужденный не уклонялся от уплаты штрафа, а не уплатил его в срок *по уважительным причинам*. Такую трактовку закона можно было бы принять, если она была надлежащим образом обоснована, если бы Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, каким образом и почему именно так он разрешил противоречие, но *никакого разъяснения и обоснования в п. 5.1 и в целом в Постановлении № 21 не содержится*.

Пленум Верховного Суда РФ дал следующее определение уважительным причинам (абз. 3 п. 5.1): это «появившиеся после постановления приговора обстоятельства, вследствие которых осужденный лишен возможности уплатить штраф в срок (например, утрата дееспособности, нахождение на лечении в стационарном лечебном учреждении, утрата заработка или имущества вследствие обстоятельств, которые не зависели от лица)». В этом определении наблюдается *неоправданное ограничение круга объективных обстоятельств, препятствующих уплате штрафа, которые следует считать уважительными причинами, а также смешение разнопорядковых обстоятельств, влекущих неодинаковые правовые последствия*.

Почему Пленум Верховного Суда РФ относит к уважительным причинам только те обстоятельства, которые появились после постановления приговора? *Эта правовая позиция в Постановлении*

² Рассматриваемая дефиниция уже подвергается критике в юридической литературе с позиции системности и единства терминологии уголовно-исполнительного права (см об этом, напр.: Степаншин В. Последствия неисполнения уголовного наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2. С. 68; Рыжов А. С. Злостность уклонения от уплаты штрафа как основного наказания: вопросы теории и практики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 25–27).

³ См.: СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

№ 21 не разъяснена. Вероятно, Пленум Верховного Суда РФ исходил из того, что при назначении наказания в виде штрафа его размер определяется судом не только с учетом тяжести совершенного преступления, но и имущественного положения осужденного, его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода (ч. 3 ст. 46 УК РФ).

Однако данное нормативное предписание не охватывает весь круг объективных обстоятельств, которые могут существовать к моменту постановления приговора и препятствовать своевременной уплате штрафа. Может, например, оказаться так, что осужденный имеет в собственности имущество, рыночная стоимость которого превышает размер штрафа, однако это имущество имеет низкую ликвидность, поэтому чтобы реализовать его и выручить деньги для уплаты штрафа в сложившихся экономических условиях (наличествующих как до, так и после постановления приговора) предоставленного осужденному времени будет недостаточно. В этом случае, если следовать позиции Пленума Верховного Суда РФ, указанное обстоятельство нельзя считать уважительной причиной, и надлежит заменить штраф на другое наказание.

В описанной ситуации *такое решение может привести к неоправданному усилению наказания и нарушению принципа справедливости* (ст. 6 УК РФ); ведь надо учесть, что в соответствии с УК РФ штраф — наименее строгое наказание из возможных, поэтому его замена на любое иное формально означает ужесточение наказания.

Другое, ещё более важное замечание: следует различать уважительные причины (обстоятельства), носящие преходящий характер, и те, которые будут действовать неопределенно долгое время — однако Пленум Верховного Суда РФ их не различает. В первом случае исполнение наказание в виде штрафа будет возможным вскоре, после устранения возникших обстоятельств, поэтому возвращение представления судебному приставу-исполнителю обосновано. Во втором случае исполнение наказания в виде штрафа в обозримом будущем вряд ли возможно, поэтому суду необходимо решать вопрос о замене его на другое наказание либо об освобождении осужденного от наказания, если это допускается в УК РФ.

В качестве преходящих обстоятельств можно указать болезнь с позитивным прогнозом, при которой осужденный временно утрачивает трудоспособность (отчего его доходы резко снижаются или временно утрачиваются), не может свободно и продуманно распоряжаться своим имуществом (вследствие болезненного состояния, госпитализации). К таким же обстоятельствам относится временная потеря заработка. Например, если осужденный своевременно не выплатил штраф или

его часть, поскольку был уволен по сокращению штатов, либо предприятие, где он работал, обанкротилось, но осужденный заявляет, что в районе проживания имеются другие предприятия, на которых возможно трудоустройство в соответствии с имеющейся у него профессиональной подготовкой. В таких случаях целесообразно воздержаться от замены штрафа на другое наказание.

Теперь обратимся к обстоятельствам долговременного свойства.

Если штраф составляет значительную сумму денег и осужденный утратил имущество, за счет которого предполагалось исполнить наказание, то следует заменить штраф на другое наказание, потому что в сложившихся обстоятельствах приговор невозможно исполнить, а отказ суда от замены штрафа на наказание другого вида будет означать фактическое освобождение осужденного от наказания. Таким образом, *цели наказания не будут достигнуты, охранительная и предупредительные функции УК РФ окажутся заблокированными*. Между тем в п. 5.1 Постановления № 21 предписывается именно это — отказ от замены наказания.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об утрате дееспособности осужденным, что в п. 5.1 Постановления № 21 приводится как уважительная причина неуплаты штрафа. Единственная причина, при наличии которой гражданин может быть признан недееспособным, определена в ч. 1 ст. 29 ГК РФ. Признание гражданина недееспособным возможно только по решению суда в порядке гражданского судопроизводства и при наличии у субъекта психического расстройства, вследствие которого он не может понимать значения своих действий или руководить ими. Над гражданином, лишенным дееспособности, устанавливается опека. Такое психическое расстройство исключает возможность применения мер уголовной репрессии, поскольку осужденный не в состоянии будет осознать их сущность, и они не смогут оказать на него профилактическое воздействие. Поэтому, *если суд, рассматривающий представление о замене штрафа другим наказанием, выяснит, что осужденный утратил дееспособность, необходимо решать вопрос об освобождении осужденного от наказания* в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ, а при необходимости — и о назначении принудительных мер медицинского характера. Однако надлежащее разъяснение в Постановлении № 21 отсутствует.

2.2. Абзац 1 п. 5.7 Постановления № 21 в предыдущей редакции гласил: «Суд возвращает судебному приставу-исполнителю представление о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, иным видом наказания, если установит наличие обстоятельств, которые повлияли или могли повлиять на принятие решения о внесении

представления (например, если осужденный находился на лечении в стационарном лечебном учреждении, о чем не было известно судебному приставу-исполнителю)».

Между тем если рассуждать с общеправовых позиций, абстрагируясь от особенностей конкретного правового института, то правильным представляется иное: суд должен возвращать судебному приставу-исполнителю представление о замене штрафа иным видом наказания не в тех случаях, когда установит наличие *любого* обстоятельства, которое повлияло на принятие решения о внесении представления (как это вытекает из буквального смысла процитированного абзаца), а лишь тогда, когда установит факт влияния или возможность влияния *недопустимого* обстоятельства, противоречащего законодательству. Кроме того, суд должен возвращать судебному приставу-исполнителю представление о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, иным видом наказания, если установит наличие обстоятельства, которое в соответствии с законодательством могло повлиять на принятие решения о внесении представления, но не было известно или не было принято во внимание при вынесении представления (это правило, однако, в процитированном абзаце отсутствовало).

Как следствие, в предыдущей редакции рассматриваемый абзац создавал предпосылки для произвольного расширения судейского усмотрения и нарушения прав граждан, поэтому нуждался в уточнении и дополнении.

Постановлением № 43 введена в действие новая редакция абз. 1 п. 5.7 Постановления № 21, в которой обоснованные выше замечания учтены, но лишь отчасти: «Суд возвращает судебному приставу-исполнителю представление о замене штрафа, назначенного в качестве основного наказания, иным видом наказания, если установит наличие обстоятельств, которые не были известны судебному приставу-исполнителю, но могли повлиять на принятие решения о внесении представления (например, если осужденный находился на лечении в стационарном лечебном учреждении)».

По мнению автора, *суды, рассматривая представление о замене штрафа иным наказанием, должны выяснять два обстоятельства: 1) позволяет ли имущественное положение, а также размер регулярного дохода осужденного уплатить штраф? 2) добросовестно ли осужденный вел себя при исполнении данного наказания?* Если ответы на оба вопроса положительные — следует возвращать судебному приставу-исполнителю поступившее от него представление о замене наказания для принятия дальнейших мер по уплате штрафа. Если же ответ хотя бы на один из приведенных вопросов отрицательный — следует заменять штраф иным наказанием.

Лишь тогда замена штрафа иным видом наказания будет справедливой, разумной и законной.

Для выяснения главных вопросов судам надо учитывать как те действия, который осужденный предпринял (либо не предпринял, но мог предпринять) для своевременной уплаты штрафа, так и те действия, которые осужденный осуществил для того, чтобы уклониться от уплаты штрафа, в т.ч. действия, осуществленные в преддверии постановления соответствующего приговора (отчуждение, сокрытие или уничтожение принадлежащего осужденному имущества, создание препятствий для обращения на него взыскания и др.). *Необходимо также выяснить, разьяснено ли осужденному право в случае, если он не имеет возможности единовременно уплатить штраф, обратиться в суд с ходатайством о рассрочке уплаты штрафа на срок до пяти лет* (ч. 2 ст. 31 УИК РФ)? Однако таких рекомендаций в Постановлении № 21 нет.

В заключение данной темы важно отметить: из содержания ч. 2 ст. 32 УИК РФ следует, что обязанность доказывания добросовестности осужденного при исполнении наказания в виде штрафа и наличия возможности уплаты штрафа возлагается на осужденного, что разумно и справедливо.

2.3. Согласно ч. 1 ст. 190 УИК РФ при уклонении условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей, в том числе уклонении от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, осужденный в письменной форме предупреждается о возможности отмены условного осуждения.

Отсюда вытекает, что уклонение от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, входит в круг обязанностей, систематическое неисполнение которых условно осужденным дает основание суду в соответствии с ч. 3 ст. 74 УК РФ и ч. 5 ст. 190 УИК РФ при поступлении представления от уполномоченного органа вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Данные правоположения важны, поскольку они направлены на усиление мотивации преступника к возмещению причиненного преступлением вреда, т.е. на восстановление прав и обеспечение законных интересов потерпевших — лиц, для защиты которых, собственно, и существует УК РФ⁴.

⁴ О проблеме возмещения вреда, причиненного преступлением, и необходимости мотивирования к этому причинителя вреда подробнее см., напр.: Скобликов П.А. Уголовно-правовая защита пострадавших от преступлений: практ. пособие. М., 2005; Его же. Современные проблемы возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений, и их законодательные решения // Закон. 2012. № 8. 87–92.

Не менее важно, что возмещение вреда потерпевшему, причиненного преступлением, является не только и не столько делом частным, сколько общественно значимым, поскольку посредством справедливого восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего, помимо прочего восстанавливается также нарушенный преступлением социальный порядок⁵. Социально-политические последствия не возмещения ущерба, причиненного проявлениями преступности, весьма значительны и не могут не учитываться при определении путей стабилизации общественной жизни в Российской Федерации. Жертвы преступлений, переживших личную трагедию и не получивших за нее моральную либо материальную компенсацию, обычно обвиняют государство в неспособности защитить их конституционные права и интересы⁶.

Соответствующие дополнения в ст. 190 УИК РФ были внесены за два года до издания Постановления № 21, но они, к сожалению, не были тогда разъяснены судам.

Помимо изложенного *нуждался в разъяснении вопрос: каким судебным актом устанавливаются обязанности по возмещению причиненного преступлением вреда, систематическое неисполнение которых по смыслу ч. 1 и 5 ст. 190 УИК РФ дает основание для отмены условного осуждения и исполнения наказания?*

Сложность данного вопроса обуславливается тем, что решение об удовлетворении гражданского иска потерпевшего может быть принято не только при вынесении обвинительного приговора, но и позже, в порядке гражданского судопроизводства, с использованием преюдициальных свойств приговора⁷. Причем разрешение иска потерпевшего может быть связано с волеизъявлением последнего, которому по каким-то причинам удобно заявлять и поддерживать гражданский иск позже и в другом процессе, но может и не зависеть от воли потерпевшего, а определяться усмотрением суда, рассматривающего уголовное дело (ч. 2 ст. 309 УПК РФ). И если в случае удовлетворения иска в рамках уголовного судопроизводства меньше предпосылок для разноречивого толкования, поскольку иск потерпевшего о возмещении вреда разрешается тем же приговором, которым назначается наказание, то в случае разрешения иска потерпевшего в рамках гражданского судопроизводства

таких предпосылок больше. Полагаем, однако, что с учетом конституционных принципов справедливости, равенства граждан перед законом и обязательности судебных актов, *систематическое неисполнение условно осужденным любого судебного решения о возмещении вреда, причиненного преступлением* (при условии, если исполнительный документ предъявлен к исполнению в установленном порядке, ведется или велось исполнительное производство и осужденный своевременно уведомлен о необходимости исполнить судебное решение), *дает основание для отмены условного осуждения и исполнения наказания.*

Помимо вышесказанного, необходимо было разъяснить судам, в чем может выражаться уклонение условно осужденного от возмещения вреда, причиненного преступлением? Влияет ли на вывод о наличии уклонения размер и (или) доля невозмещенного вреда, а также имущественное положение осужденного и (или) потерпевшего?

К сожалению, при принятии Постановления № 43 Пленум Верховного Суда РФ не дал разъяснений по неречисленным вопросам, что не способствует обеспечению правильного и единообразного применения закона, единству судебной практики и ослабляет защищенность лиц, пострадавших от преступлений.

3. Замечания и предложения общего плана

3.1. Разъяснение, сделанное на основании ст. 126 Конституции РФ, ст. 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», предполагает наличие объяснения того, почему Пленум Верховного Суда РФ занял ту или иную позицию, почему определенная правовая норма толкуется им так, а не иначе. Это требование носит объективный характер и обусловлено рядом причин.

Прежде всего следует отметить, что в приведенных законодательных актах разъяснения Верховного Суда РФ не наделяются свойством обязательности.

Надо признать это решение правильным. В противном случае если Верховный Суд РФ вопреки ясному и недвусмысленному положению закона толкует его иначе, то суды были бы поставлены перед сложным выбором: следовать закону или выполнять обязательные предписания Верховного Суда РФ, который истолковывает закон вопреки правилам, сформировавшимся в правовой доктрине (а порой, и вопреки нормам Конституции РФ).

Возможно следующее возражение на тезис автора: если разъяснения Верховного Суда РФ не обладают свойством обязательности, то невозможно добиться закрепленной в Федеральном конституционном законе № 3 цели — обеспечения

⁵ См.: Ибрагимова А.И. Особенности процесса возмещения вреда, причиненного преступлением // Пробелы в рос. законодательстве. 2013. № 5. С. 208.

⁶ См.: Задорожный В.И. Современные проблемы возмещения вреда жертвам преступлений и пути их решения // Гражданин и право. 2006. № 3. С. 31–38.

⁷ Подробнее см., напр.: Скобликов П.А. Межотраслевая и внутриотраслевая преюдиция приговоров и связанных с ними судебных актов // Закон. 2013. № 8. С. 59–65.

единообразного применения законодательства, ибо почему тогда судьи будут следовать разъяснениям? Однако, во-первых, эта цель хотя и важная, но не главная, и если она вступает в противоречие с целью обеспечить законность, предпочтение следует отдать последней. Во-вторых, возможен иной способ побуждения судей следовать разъяснениям, исключающий возможное противоречие с обеспечением законности. Судьи могут и должны применять разъяснения Верховного Суда РФ в рассматриваемых делах по своему внутреннему убеждению, но для этого разъяснения должны быть убедительными. А вот склонение судей, вопреки их собственному пониманию закона, следовать позиции Пленума Верховного Суда РФ под угрозой отмены судебного акта Верховным Судом РФ либо иным вышестоящим судом при рассмотрении апелляционной, кассационной либо надзорной жалоб, является неправовым, противоречащим конституционному принципу судостройства и судопроизводства — принципу независимости судей (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ). *Независимость судей означает их самостоятельность, несвязанность обстоятельствами или чужой волей.* Они должны руководствоваться законом и действовать в соответствии с собственной правовой позицией.

Исходя из этого, *единственно законный способ побуждать судей следовать позиции Верховного Суда РФ и формировать, таким образом, единую судебную практику — убеждать их в правильности данной позиции, приводить убедительные доводы.*

Необходимо по крайней мере раскрыть умозаключение (правовые и фактические посылки, а также логическую связь между ними) или цепочку умозаключений, в результате которых Пленум Верховного Суда РФ пришел к тому или иному выводу, сформулированному в постановлении. Однако в Постановлении № 43 разъяснения такого рода обнаружить сложно. Отредактированные и новые пункты обновленных постановлений Пленума Верховного Суда РФ в основном сформулированы в повелительном наклонении и воспринимаются так, будто это не разъяснения, а правовые предписания; логические построения там не приводятся.

В качестве иллюстрации того, как следовало бы оформлять разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, можно привести предложение, которое выдвигалось на этапе обсуждения проекта Постановления № 43. Предлагалось дополнить Постановление № 58 новым пунктом (32.2) следующего содержания: «При квалификации преступлений по признаку их совершения в отношении несовершеннолетних (например, пункт “г” части 2 статьи 117 УК РФ) допускается признание судом отягчающим наказание обстоятельство, предусмотренное пунктом “п” части 1 статьи 63 УК РФ». *В этих случаях*

отсутствует нарушение положений части 2 статьи 63 УК РФ, поскольку квалифицирующее обстоятельство относится к личности потерпевшего, а отягчающее наказание обстоятельство — к личности лица, совершившего преступление. В текст Постановления № 43 данное предложение не вошло.

В целом такое положение дает основание некоторым исследователям утверждать, что постановления Пленума Верховного Суда РФ фактически являются нормативными правовыми актами, имеющими значительную юридическую силу, «серым кардиналом», реальным, но несколько скрытым источником права⁸. А если так, то нарушается конституционный принцип разделения властей, поскольку Верховный Суд РФ не только применяет, но и сам создает правовые нормы.

3.2. После вынесения Конституционным Судом РФ 23 декабря 2013 г. Постановления № 29-П⁹ некоторые правоведы пришли к выводу о том, что в дискуссии о юридической силе разъяснений Пленума Верховного Суда РФ постановлена точка, поскольку Конституционный Суд предельно ясно выразил свою позицию по данному вопросу, а дискутировать с этой позицией нельзя. Её надо принять как данность. Главным основанием для такого вывода послужила формулировка, содержащаяся в абз. 2 п. 5.1 Постановления Конституционного Суда РФ № 29-П: «Правомочие Пленума Верховного Суда РФ давать судам общей юрисдикции разъяснения по вопросам применения законодательства Российской Федерации <...> является одним из элементов конституционного механизма охраны единства и непротиворечивости российской правовой системы, который основан на предписаниях статей 15 (часть 1), 17, 18, 19 и 120 Конституции Российской Федерации и реализация которого в процессуальном регулировании обеспечивается установленной законом возможностью отмены судебных постановлений, в том числе в случае их расхождения с постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащими разъяснения по вопросам судебной практики».

Однако правильно ли понимать Постановление КС РФ № 29-П столь однозначно? Если обратиться к абзацу 1 п. 5 рассматриваемого документа, то можно обнаружить, что там указан путь, который приводит к необходимой степени определенности правового регулирования: Верховный Суд РФ в своих разъяснениях по вопросам судебной практики должен выявлять и представлять более сложные взаимосвязи правовых предписаний в их

⁸ См.: Бурков А.Л. Статус постановлений Пленума Верховного суда в законодательстве и судебной практике // Правоведение. 2011. № 5. С. 184.

⁹ См.: Росс. газ. 2014. 15 янв.

действию по кругу лиц, во времени и в пространстве, тем самым устраняя правовую неопределенность отдельных норм, т.е. кажущуюся правовую неопределенность.

Полезно также взять во внимание развитие позиции Конституционного Суда РФ, выраженное в абз. 3 п. 5.1 вышеуказанного Постановления: «После принятия постановления Пленума <...> в котором разъясняется смысл той или иной нормы права, применение судами общей юрисдикции в ходе рассмотрения дела конкретных правовых норм должно соотноситься с разъяснениями, данными в постановлении Пленума <...> – иное *может* (курсив наш. – П.С.) свидетельствовать о судебной ошибке, допущенной при разрешении дела».

Итак, расхождение позиций, выраженных в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, с одной стороны, а с другой – суда общей юрисдикции (или арбитражного суда), который в силу ст. 120 Конституции РФ самостоятельно решил вопрос о том, подлежит ли та или иная норма применению в рассматриваемом им деле, уяснил смысл нормы, т.е. осуществил её казуальное толкование, и с учётом этого вынес определенное решение, однозначно не свидетельствует о судебной ошибке. Она может иметь место, но её может и не быть.

Если суд, разрешивший дело, аргументировал свою позицию, а Пленум Верховного Суда РФ по тому же вопросу аргументацией пренебрег или она представляется неубедительной (взаимосвязи правовых предписаний, которые позволили бы Пленуму Верховного Суда РФ сделать то или иное толкование, не раскрыты) – суд вышестоящей инстанции вправе и должен оставить без изменений решение, вынесенное нижестоящим судом. Как представляется, такой исход не будет противоречить правовой позиции, выраженной в Постановлении КС РФ № 29-П.

В завершение отмечаем, что последствия занятия определенной правовой позиции Конституционным Судом РФ для правоприменительной практики и правовой доктрины не совпадают. Конституционный Суд РФ при всей его значимости в российской правовой системе не может быть арбитром в научных спорах.

* * *

Надеемся, что представленные выше суждения, оценки и выводы окажутся полезными работникам аппарата и судьям Верховного Суда РФ при подготовке новой редакции постановлений № 17, 58 и др., а равно всем, кто имеет отношения к законотворческому процессу, поскольку часть рассмотренных в статье проблем может быть разрешена путем совершенствования уголовного,

уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, а также законодательства об исполнительном производстве. Ведь основная причина, обуславливающая потребность в разъяснениях правовых норм, – это нечеткость и многозначность законодательных формулировок, противоречия в законодательстве, иные его недостатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурков А.Л.* Статус постановлений Пленума Верховного суда в законодательстве и судебной практике // Правоведение. 2011. № 5. С. 184.
2. *Задорожный В.И.* Современные проблемы возмещения вреда жертвам преступлений и пути их решения // Гражданин и право. 2006. № 3. С. 31–38.
3. *Ибрагимова А.И.* Особенности процесса возмещения вреда, причиненного преступлением // Пробелы в росс. законодательстве. 2013. № 5. С. 208.
4. *Рыжов А.С.* Злостность уклонения от уплаты штрафа как основного наказания: вопросы теории и практики // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 3 (31). С. 25–27.
5. *Скобlikов П.А.* Межотраслевая и внутриотраслевая преюдиция приговоров и связанных с ними судебных актов // Закон. 2013. № 8. С. 59–65.
6. *Скобlikов П.А.* Современные проблемы возмещения вреда лицам, пострадавшим от преступлений, и их законодательные решения // Закон. 2012. № 8. 87–92.
7. *Скобlikов П.А.* Уголовно-правовая защита пострадавших от преступлений: практ. пособие. М., 2005.
8. *Степаншин В.* Последствия неисполнения уголовного наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2. С. 68.

REFERENCES

1. *Burkov A. L.* Status of decisions of the Plenum of the Supreme court in legislation and judicial practice // Jurisprudence. 2011. No. 5. P. 184 (in Russ.).
2. *Zadorozhny V. I.* Modern problems of compensation for harm to victims of crimes and ways to solve them // Citizen and law. 2006. No. 3. P. 31–38 (in Russ.).
3. *Ibragimova A. I.* Features of the process of compensation for damage caused by crime // Gaps in Russian legislation. 2013. No. 5. P. 208 (in Russ.).
4. *Ryzhov A. S.* Maliciousness of evasion from paying a fine as the main punishment: questions of theory and practice // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. No. 3 (31). P. 25–27 (in Russ.).

5. *Skoblikov P.A.* Inter-Industry and intra-industry prejudice of sentences and related judicial acts // *Law*. 2013. No. 8. P. 59–65 (in Russ.).
6. *Skoblikov P.A.* Modern problems of compensation for harm to persons affected by crimes and their legislative solutions // *Law*. 2012. № 8. P. 87–92 (in Russ.).
7. *Skoblikov P.A.* Criminal-legal protection of victims of crimes: practical manual. M., 2005 (in Russ.).
8. *Stepashin V.* Consequences of non-execution of criminal punishment in the form of a fine // *Criminal Law*. 2010. No. 2. P. 68 (in Russ.).

Сведения об авторе

СКОБЛИКОВ Петр Александрович – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SKOBLIKOV Petr A. – Doctor of Law, leading researcher of the sector of Criminal Law, criminal procedure and criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia